

Юрий Бродский

СОЛОВКИ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Автор книг о тюремно-лагерной истории Соловков отвечает на вопросы сотрудников «Новой газеты» И.Воробьёвой и Н.Черновой. Версия ответов, дополненная автором для публикации в проекте "Соловки Энциклопедия".

С чего началась история репрессий на Соловках?

Первая из известных нам расправ на Соловецком архипелаге случилась 1429 г., во времена вселения на остров первых черноризцев. Эта дата проставлена в Указе президента РФ № 882 от 19.10.2023 года по поводу празднования 600-летия образования монашеского поселения на Соловецком архипелаге.

Текст из жития соловецких святых: «от сотворения мира до прихода блаженных Зосимы и Саватия никогда не жили люди на острове сём», — вызывает сомнения. Труднодоступные, но благодатные, благодаря особенностям своего расположения на перекрёстке морских и воздушных течений, Соловки содействовали выживанию поморов в северном крае не меньше шести тысяч лет. Труженики моря, люди несентиментальные, не зря прозвали Соловецкий архипелаг Венцом Беломорья.

Клочок земли среди моря, на котором, по словам Михаила Пришвина, «природа как бы ещё не доразвилась до греха», относился накануне появления монахов к Обонежской пятине Господина Великого Новгорода. Острова значились законной наследственной «дединой и отчиной» семьи Ховры Тойвутовой из погоста Толвуя, из Медвежьегорского района Карелии.

Вселение черноризцев на отнюдь не бесхозные земли, описано в житиях святых и сопровождалось чудом. Чудо заключалось в том, что одновременно с высадкой на Соловки монахов появились юноши ангельского вида, которые зачистили острова от поморов, живших морским промыслом испокон веку. Юноши, похожие на ангелов, напали на жену рыбака, ушедшего на промысел, и высекли её «жестоко и с гневом».

Согласно надписи на поклонном кресте, обновлённом в 1838 году архимандритом Иларием, дубасили карелку не абы как, а железными прутьями. Били так, что вопли жертвы были слышны за две версты от места сечения. «Корельскую жёнку» не забыли насмерть, чтобы она могла передать островитянам повеление: бегите, мол, все отсюда! Соловки предназначены монахам! А кто останется — погибнет злой смертью!

Чудо есть чудо. Холм, где секли женщину, монахи окрестили Секирной горой. И силовое решение проблем стало характерной чертой коллективного характера монахов Соловецкой обители. Избиение неповинной женщины ради создания обители стало первым звеном цепи репрессий на островах. Что бы потом соловецкие монахи ни строили, сооружение их превращалось в места экзекуций. Возведение каменных сооружений в Соловецкой обители раз за разом знаменовалось обустройством в них мест заточения. Представьте, к небу над островом из храмов государева монастыря поднимались слова молитв за здоровье царя и его царства, а из тюремных казематов — проклятия узников.

Содержание заключённых было долгом и обязанностью многих русских обителей. Монастырские тюрьмы считались страшнее каторжных. Соловецкие же черноризцы оказались столь рьяными тюремщиками, что жестокость их узилища затмила ужасы всех других церковных казематов Российской империи. Так полагал профессор М.Н. Гернет, автор пятитомной «История царской тюрьмы».

Когда после восстания декабристов Николай I пожелал разместить в Соловецкой тюрьме сотню узников офицерского звания, то генерал А. Сукин, комендант Петропавловской крепости, подготовил для иноков «Инструкцию по наблюдению за арестантами». Монахи-приставы, получив директиву, ёрничали по поводу неумелости столичного уклада — режим узилища в Соловецкой крепости, где у узников за год истлевала от сырости одежда, был куда более жестоким, нежели в Петропавловской крепости.

Тюрьма являлась составной частью обители четыре столетия, до 1905 года. После краха Российской империи и прихода советской власти на Север, Соловки опять стали зоной репрессий — концлагерем для военнопленных гражданской войны. В 1923 году этот лагерь перерос в УСЛОН — Управление Соловецких лагерей Особого Назначения.

Большевики превратили остров в полигон, где сколачива-

лась система уничтожения граждан своей страны. Сколько нужно калорий на одного заключённого, сколько нужно охранников и сколько сексотов-стучачей на сто арестантов? Как использовать труд узников? Куда стрелять во время расстрелов, как засекречивать места захоронений, чтобы они никогда не стали местами поклонения? Эти элементы будущего ГУЛАГа были опробованы на островах, а потом выплеснулись на материк.

Гора, почитавшаяся черноризцами как место легендарной экзекуции, стала у чекистов (дань традиции!) лобным местом СЛОНа. На гору, в храм Вознесения, ставший штрафным изолятором, свозили узников с островов архипелага и отделений Соловецкого концлагеря на материке. Убивали их «в обычном месте расстрелов», иногда по несколько десятков в день. Место это никак не отмечено. Разве что птицы там не поют.

«Никакому насильнику невозможно открыть новое поприще! Как страшно всё повторяется...», — отмечал заключённый Олег Волков, провожая глазами пару сотен узников, гонимых в жуткой тишине по лесной дороге к месту расправ, к Секирной горе. Монастырский ягодный сад на склоне горы чекисты превратили в ягодный сад — могилику убитых подручными сталинского наркома Генриха Ягоды. Исследователь Ю.А. Дмитриев из Петрозаводска, пока был на свободе, успел зафиксировать на косогоре десятки ям с телами жертв государственного террора. Юго-западный склон горы, вплоть до огорода у подножья, — это ямы, ямы с останками убитых.

Сегодня на Соловках, завтра — в России! Тень Секирной горы накрыла огромные территории. Соловки стали кузницей кадров палачей ГУЛАГа и родиной первого питомника собак для окарауливания заключённых. Понятия и термины, рождённые на островах, ох как повлияли на язык и образ мышления обитателей страны. «Доски почета» как форма пропаганды — тоже порождение Соловков. Общесоюзная конструкция стандартных бараков на 200 человек с туалетами на восемь отверстий разработана в Соловках.

Ю.Серов, создатель всеобъемлющей «Соловецкой энциклопедии», первым обратил внимание на феноменальную популярность во всём мире арестантского головного убора, созданного в СЛОНе для детской колонии заключённым Борисом Линдером. Шапки-соловчанки по выкройке Линдера производятся за границей в количествах несравнимо больших, чем любой из брендов, пришедших из России. Тут мы истинно всех шапками закидали.

В первые годы существования СЛОНа его контингент был особым. Это были лагеря для людей социально чуждых пролетариям по происхождению, лагеря для интеллектуальной элиты. Заключённые влияли на мировоззрение охранявших их людей. Как это происходило?

Незаурядная личность так или иначе воздействует на своё окружение. Например, в тюрьме Соловецкого монастыря приставы колодника «царя скопцов», подпав под влияние узника, оскопили себя. А монахи-приставы, сторожившие бывшего камергера-колдуна Петра Салтыкова, сами ударились в чародейство, за что и пострадала.

На Соловках большевики, ради укрепления своей власти, сконцентрировали сотни и сотни незаурядных личностей, опасаясь их влияния на окружающий социум. Это было сознательное оглушение населения страны путём преступного уничтожения наиболее образованной части народа.

На заре СЛОНа на трёх островах Соловецкого архипелага НКВД устроило политскиты — зоны изоляции для членов политических партий, которые недавно помогли большевикам свергнуть российскую монархию. Соловки стали местом изгнания граждан, пусть и не совершавших преступлений, но опасных для власти пролетариата в силу своего происхождения или образования.

Офицеры, обученные военному делу; дворяне, профессора-историки, юристы, понимавшие преступность советских законов революционной целесообразности; а ещё литераторы, музыканты, учёные, артисты императорских театров; священники, популярные в народе, изобретатели новых технологий.

Энциклопедия всяя Руси! Их этапами сгоняли в Соловки, где они, уже ненужные на материке, пытались на острове реализовать свой творческий потенциал.

Не ради денег и преференций, а во имя сохранения нравственных принципов и собственного достоинства люди, социально чуждые большевикам, создали в неволе семь театров, симфонический оркестр (полный состав!), собственные газеты и литературно-художественные журналы, две библиотеки. Музей, придуманный узниками, спас от разграбления сотни икон и редких книг. Соловецкое общество краеведения с секциями по многим отраслям знания публиковало сборники, по сей день не утратившие научного значения.

Культурная жизнь, бывшая ключом в Кремле, в «Париже Северных лагерей», волей-неволей увлекала руководителей лагерей и командование полка охраны, разрушая на время идеологические барьеры. Узников просили читать лекции охранникам, воспитывать и обучать детей начальства лагерей, даже составлять гороскопы. Тренерами спортивных команд «Динамо» были исключительно видные спортсмены из числа заключённых. К врачам-заключённым на остров правдами и неправдами привозили с материка крупных чиновников и членов их семей. Дети и жёны вольнонаёмных сотрудников СЛОНа вместе с заключёнными принимали участие в театральных постановках. Сохранилось немало групповых фото, на которых чекисты и заключённые плечом к плечу позируют перед объективом. Известны случаи, когда самые высшие соловецкие начальники женились на узницах, получив на брак одобрение в Москве. В лагерях ГУЛАГа таких проявлений либерализма быть уже не могло.

Партийные руководители неоднократно указывали на идеологическую недопустимость привлечения социально чуждых к активному участию в просветительской и административной деятельности. Злобный начальник Кемперпункта Николай Потёмкин, «борец за сохранение классово-сущности лагерей», как мог пытался избавиться от распорядителя работ заключённого Нафталия Френкеля, который «всячески мешал исполнять партийную установку на всемерное подавление социально чуждого буржуйского элемента». Но победителем в противостоянии всегда оказывался беспартийный Френкель, презрительно обзывавший главного кемского большевика полным нулём.

На Соловках впервые стали использовать заключённых как рабочую силу. Какой работой они занимались?

В 1920-х годах заготовка леса стала основным промыслом узников. Условия труда заключённых можно считать пыточными. Лагерники работали на морозе в лаптях, их оставляли на ночь в морозном лесу, если они не выполняли норму, две трети заключённых имели отмороженные конечности и очень быстро погибали. Профессора и поэты не были лесорубами. Они не могли работать качественно. И их стали отправлять на работы на материк, на прокладку дорог, на строительство каналов, на добычу полезных ископаемых. Довоенный БАМ строили тоже соловецкие заключённые. С 30-х годов, когда Соловки влились в ГУЛАГ, любая большая стройка имела свой лагерь, который поставлял дармовую рабочую силу. Закончилась история мест заключения в Соловках, когда Орджоникидзе попросил у Сталина, человеческие ресурсы, необходимые для строительства медно-никелевого комбината в Норильске. Большую часть соловецких узников осенью 1939 г. этапировали в порт Дудинка.

Что из Соловков унаследовала современная репрессивная машина?

Суть мест заключения и тогда, и сейчас — сделать всех узников одинаковыми, похожими друг на друга. Причём извергов уничтожают так же, как и самых красивых людей, потому что все должны стать средними. Система бессмысленных издевательств пришла на материк из Соловков. Наказания были совершенно непредсказуемы. Могли выбрать самого выделяющегося из массы человека на этапе и неожиданно его застрелить безо всякой причины — просто так, чтобы нагнать на остальных ужас. Или заставляли в лаптях зимой носить воду

из одной проруби в другую. Или считать вслух пролетавших чаек. Если человек устал громко считать, его били. В Кемперпункте, где не было питьевой воды, заставляли мучившихся от жажды людей мочиться в рот друг другу. Важно было запугать, подавить волю к жизни и к сопротивлению. Охрана боялась массы узников.

Когда с середины 30-х годов заключённых стали переводить с лагерного на тюремный режим, то давление на психику неповинных людей приняло другие формы. Полная изоляция и абсолютная секретность. Вместо имен у узников номера. Постоянно включён свет. Руки и лицо должны быть постоянно на виду. Сидеть на нарах нужно, положив руки на колени, спина прямая. По камере ходить беззвучно, во время прогулки смотреть на пятки впереди идущего. Письма или заявления писать можно только в определённое время и только карандашным грифелем без оправы. Любые нарушения распорядка карались карцером. Вполне узнаваемая история, если поинтересоваться, как сейчас содержатся в тюрьмах.

Как люди сохраняли достоинство, что делали?

Олег Васильевич Волков 27 лет провёл в лагерях ссылки. Когда его во время съёмки фильма «Власть Соловецкая» спросили, как он сохранил себя, герой ответил: «Я старался каждый день мыть руки и не ругаться матом». Один из нас улыбнулся, и Волков сказал: «Не думайте, что это было просто».

Примечательно, что многие из тех, кто умел подстраиваться, кто пытался стать «своим» для уголовников или для администрации — не выживали. А сохранили себя те, кто не утратил моральные принципы. Сохранение достоинства в тюрьме — это базовый закон выживания.

Те, кто в заключении имел возможность заниматься хоть каким-то делом, легче переносили неволю. Например, один из заключённых, незаурядный биолог, добился возможности исследовать ракушки Белого моря, кто-то пытался выращивать канадский дикий рис или вынашивать проект электрификации всех Соловков и гигантского океанариума.

В лагере финский коммунист Карл Густавович Туомайнен впервые в России акклиматизировал ондатру, хотя в прошлой жизни не имел отношения к пушному хозяйству. Его назначили кучером начальника лагеря, а в это же время в журнале «Карело-Мурманский край» появилась статья, как в Соловках выгодно разводить ондатру — и мясо съедобное, и мех у зверушки ценный.

Статья была так написана, что будто ондатра уже есть на Соловках. И пошли запросы в лагерь из разных концов страны: пришлите, мол, нам две пары ондатр в обмен на две пары чернобурых лис. А ондатры-то нет. Сначала на запросы отписывались, мол, подождите, вы поставлены на очередь. Потом, когда начальник лагеря Фёдор Эйхманс узнал про такие ответы, пришлеще поручить исполнителю финну крысу срочно развести.

Из шкурок первых приплодов пошили шапки для московских кураторов лагеря. Те стали щеголять шапками в столице, и поступил заказ от чинов ОГПУ, потом — приказ, шить исключительно для руководства высшей категории! Так и прижилось. Я довольно подробно знаю эту историю, так как вдова Карла Густавовича оказалась моей землячкой в Электростали. А самого Туомайнена, который, согласно доносу, всячески избежал общения с чекистами, расстреляли в 1937-м. Тогда же убили и сотни других соловчан.

Случались ли побеги из лагеря?

Не мечтали о побегах лишь святоши, люди слабые да ещё идейные коммунисты. Побег — это преодоление животного страха перед смертью и сохранение себя как личности вопреки обстоятельствам. Хотя бежать из Соловков через суровое море очень сложно. О ряде неудачных побегов с острова известно по материалам следственных дел. Успешно бежали в основном из отделений лагеря на материке. В случае удачного побега люди меняли имена и тщательно скрывали своё прошлое. Могли

описать свой побег только смельчаки, прорвавшиеся за кордон, таких тоже было немало. Но далеко не все удачливые беглецы оставили воспоминания, боясь, например, навредить близким. Я знаю о нескольких удачных побегах, и надо бы рассказать о них. По поводу побегов из Соловков, я могу поделиться с вами известным мне мнением очевидца событий, бывшего соловецкого узника Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Вот что поведал нам кавалер высших наград Российской Федерации во время интервью для фильма «Власть Соловецкая». Запись 2.04.1988 г.

— «Из Соловков бежали. Бежали, главным образом благодаря своему твёрдому характеру, украинцы. Сидились верхом на бревно. Бревно ворочалось, но они гребли руками и доходили до какого-то островка. Отдыхали, ловили рыбу и птиц. Подкрепившись, плыли опять. Упорство украинцев я оценил. Это великолепные воины с определённой целью. Вот мы говорим — украинское упрямство. Упрямство — дурацкое слово для обозначения воли. Воли, обрётённой в военных сражениях с врагами. Воля — замечательное качество украинцев. Поэтому они и бежали, не желая жить в неволе. Прекрасные и сильные духом украинцы!»

Благодаря стараниям Дмитрия Лихачёва, режиссёр Марина Голдовская смогла в ночь на 7 ноября 1988 года фактически подпольно показать М.С. Горбачёву картину «Власть Соловецкая». Президент спас наш почти запрещённый цензурой фильм. Мы получили разрешительное удостоверение на прокат во всех кинотеатрах страны. Это означало, что М.С. Горбачёв снял запрет на любые публичные упоминания о Соловецких лагерях и тюрьмах.

Соловки в нашем современном мире закончились?

Нет, они продолжают. Вне всякого сомнения. Бал опять правят духовные наследники палачей. Культура и образование в упадке. Связи с европейской культурой оборваны. Страна за короткое время утратила около миллиона сограждан, не желающих оказаться за железным занавесом под властью преступников, обученных убивать и грабить. Сегодняшняя ситуация в России — это неискорённое наследие Соловков.

Пытки в наших тюрьмах — тоже наследие Соловков. Во время съёмок историко-публицистического фильма «Власть Соловецкая» Марина Голдовская уговорила бывшего заключённого ответить на вопрос: «Зачем вы так нелепо оговорили себя на допросе?». Он долго не отвечал, молчал... А потом: «Да всё просто: зажмут яйца дверью, и всё подпишешь. А если ты вытерпел, то приведут жену, а потом дочь чтобы они смотрели, и опять дверью зажмут». И заплакал. И мы тоже плакали. Марина, Витя Листов, Саша Хасин и я. Эпизод этот в картину не вошёл.

Ещё не вошёл в фильм сюжет, где Володя Лоскутов, профессор, психолог, вспоминал о том, как в семь лет оказался в лагере для детей врагов народа, в каком-то из отделений Соловецких лагерей. Там у малышей не росли из-за голода волосы. Но самое жуткое его воспоминание — о первом дне. Толпу детей, родителей которых недавно убили, построили на плацу и заставили каждого выпить по стакану касторки, якобы для дезинфекции. А потом засунули в мешки, завязали, и подвесили на спортплощадке. У детей от касторки начинался понос. И вот висит ребёнок в тёмном мешке, ничего не понимает, а старшие дети бьют палками по мешкам. Ребёнок в ужасе и своих испражнениях терял представление о времени. Так в нас пытались сломать желание жить, вспоминал Лоскутов. Это называлась «прописка».

Кто и зачем сейчас приезжает на Соловки?

Каждый за своим. Я видел двух весьма богатых людей, которые приехали на Соловки, но никуда не ходили, ничем не интересовались. Часами в карты играли и громко матерились на веранде дорогой гостиницы.

В начале августа 2023-го катерок, примчавшийся из Кеми, бросил якорь на мели, против моего гамака и столика на пляже Малибу. Пассажиры (я, кажется, узнал его) слез в воду, проплыл несколько метров и как пробка залетел в катер. Я жестом

указал ему на бокалы и дымящийся мангал. «Не могу — сразу за руль!» — крикнул пилигрим, и катер рванул на материк.

На Соловки едут богомольцы и любители галлюциногенных грибков, спешат сектанты, дайверы и байд-десантники, дети-юнгаши в краснофлотской форме гуляют по одним дорожкам с великовозрастными дядями, обряженными в форму гвардейских императорских полков.

Мелкие казачата с рюкзачками рыщут по лесам, разыскивая сказочное Беловодье. Архангелогородские школьники-дурневы играют в тимуровцев. Питерские художники стремятся в лес на черничную диету — верят, что местная черника баснословно улучшает зрение. Кто-то зарабатывает деньги, кто-то мечтает о релаксации. Настоящих учёных не много, зато роятся поисковики с аппаратурой для обнаружения утопленных колоколов или кладов в подземельях, или мест силы, или следов Гипербореи. Плюс толпы киношников и блогеров.

Особый подвид гостей — это сановники и священноначальники, разумеется, с отрядами госохраны. Этим из областного центра, за 300 км, привозят на баржах автомобили люкс-класса и поливальные машины — прибывать пыль перед кортежами. Команда законодателей-охотнорядцев со своим тренером и идеологом Мединским прилетает летом погонять мячик на бывшей лагерной спортплощадке. А зимой у этих ребят — «хоккей на валенках». Для них, ради этого единственного раза в году, возвели в центре посёлка хоккейную коробку, с мачтами освещения и прочей инфраструктурой. У каждого свои Соловки.

Мне ближе мнение Олега Волкова, автора книги «Погружение во тьму». Он дважды сидел в Соловецких лагерях: «Соловки можно посещать, лишь совершая паломничество к могилам безвинно уничтоженных, как посещают святыню, памятник скорбных событий, национальных тяжёлых дат, как Освенцим или Бухенвальд».

Как в нынешнее время рассказывать о Соловках?

Политика замалчивания преступлений власти мало изменилась с советских времён. Память о репрессиях чекисты и их наследники старались и стараются уничтожить. В 1959 году председатель КГБ Александр Шелепин специально предупредил главу компартии Н.С. Хрущёва о том, что хранение десятков тысяч дел расстрелянных угрожает расконспирацией спецопераций — со всеми нежелательными для государства последствиями. В актах о сжигании архивов Соловецких лагерей в качестве единицы измерения истреблённой памяти фигурируют мешки. Десятки мешков с документами.

Серьёзной научной деятельности от государственного музея ждать не приходится. Научные сотрудники, как и технические работники, находятся в полной зависимости от церковной власти. Директор музея — епископ, человек, по-моему, порядочный, в отличие от своего светского предшественника, но ему нет дела до осмысления истории лагерей. Политика исторических исследований на Соловках непоследовательна и противоречива. Упор в последнее время делается на выпячивание успехов местного гарнизона во время Крымской войны и на подготовку к обороне архипелага от фашистов. А в информации о лагерях штатным экскурсоводам предлагается говорить об исповедниках веры и новомучениках, но умалчивать, о том, кто были мучители. Забыть, подделать — все методы прежние.

Материальные следы жизни и деятельности монастырских тюрем, как и советского концлагеря, уже практически все уничтожены. Даже бурые и красные лишайники на крепостной стене, похожие на пятна крови, вытравлены ядохимикатами по преступному указанию руководства Министерства культуры. Мемориальная доска, память о декабристе Александре Горожанском, убитом в монастырской тюрьме, снята якобы из-за ремонта здания несколько лет назад. Спрашиваю, вернётся ли доска в конце концов? А мне отвечают: «Это вопрос политический».

Что для вас символ Соловков?

Сам остров. Само по себе слово «Соловки» — уже символ. Символ, по П.А. Флоренскому, — это реальность, которая больше самой себя. Причём в отличие от эмблемы символ всегда многозначен. Для одних он одно, а для других — другое. Для меня слово Соловки — это символ государственного террора, символ мученических путей России.

А если вам нужен зрительный образ — то это полярная крачка, небольшая белая птица с чёрной шапочкой на голове. Она прилетает на Соловки из Антарктиды, по меридиану, через весь земной шар. Это самая протяжённая в мире миграция. У нас летом самая большая в Европе колония крачек.

В чём святость Соловков?

Давно, еще в 90-е, кемские братки попросили меня показать Секирную гору паре карельских прокуроров, кураторов мест заключения в их республике. Чтобы я просветил их. Прокуроры походили, посмотрели, послушали, потом спрашивают меня: «Ну а покажи же, где здесь святость? Мы на Валааме были, там точно показали. А здесь где?». Я показал им каменную черту возле которой палачи ставили людей во время расстрелов. Для верующих земля, омытая кровью неповинных жертв, свята. Но тогда, кажется, впервые осознал, что Соловки не только остров смерти, что здесь в общих ямах лежат люди разных национальностей, разных религиозных воззрений и политических взглядов. Соловки забрали их внешние различия, объединили кровь с кровью и прах с прахом. В этом единении и есть святость. Это как крест, который до Распятия был орудием мучительной казни, а после стал в сознании людей символом спасения.

Соловки создали фольклор?

Огромное количество «соловетизмов», присказок, поговорок пришло в русскую речь из лагерных Соловков. «Блокпост», «блат», «филон» (фиктивный инвалид лагерей особого назначения) — это чисто соловецкие слова. Или вот «Бог — не фраер!» — мне это выражение даёт надежду на будущее.

Варлам Шаламов был убеждён, что лагерь сделал всех хуже. Это так?

Я думаю, да. Потому что напряжение в борьбе за физическое выживание, болезни, которые человек зарабатывал в лагере, потери близких и терзания от невозможности помочь слабому никому не улучшали. Все стали хуже. И охранники тоже, потому что кровь и убийства развращают.

А почему церковь стала сотрудничать с чекистами? Как это связано с христианской концепцией?

Никак, совершенно никак. Вся история монастыря, начиная с чуда избиения, — это отрицание евангельских заповедей. А уж коготок увяз — всей птичке пропасть.

Первый узник Соловецкой монастырской тюрьмы монах Артемий во времена Ивана Грозного предупреждал своих мучителей: «Нигде и никогда, ни словом, ни делом, ни буквой, ни знаком не велел Христос мучить людей». Но монахи, назначенные быть приставами в тюрьме, разделяли для себя евангельские заповеди и реальную жизнь. Они служили тому, кто во власти. Если в обители появлялись иноки, которых не устраивало церковное лицемерие, то таких уничтожали.

Двоедушие ради благополучия продолжало иметь место в монашеской среде и при большевиках. В 1927 году, в десятую годовщину советского режима, 112 монахов Соловецкой обители являлись добровольными проводниками лагерной политики ОГПУ. Они служили вольнонаёмными сотрудниками администрации Соловецких лагерей Особого Назначения. Эти иноки, подавляя в силу служебных обязанностей священнослужителей-заключённых, получали обмундирование НКВД первого срока, монашескую пайку и денежное содержание — два раза в месяц по 30 рублей. До 1929 года рубли были серебряными.

Каким должен быть памятник жертвам Соловков?

Очень не хочется здесь пафоса вроде предложения скульптора Зураба Церетели — поставить на Секирной горе самую высокую в мире статую Христа. Выше Секирной горы! Это неуместно.

Были бы деньги, стоило бы провести международный конкурс на изготовление макета памятника по идее Юрия Серова. Литературное описание такого памятника соловецким узникам мне очень импонирует.

Находясь в плену постсоветских реалий, где оскорбление памяти жертв государственного террора — дело обычное, я бы предложил простой вариант. Нужно расчистить на берегу моря площадку, чтобы каждый, кто захочет помянуть погибших, мог принести свой камень и положить его в пирамиду. Юрий Рост нарисовал мне эскиз приспособления, типа колодезного журавля, для незатруднительной укладки каменной любым человеком в любое место. Вечно живой памятник. А когда память иссякнет, камни рассыплются по берегу, и не будет проблем, как с исполинскими монументами советской эпохи.

* * *

Юрий Аркадьевич Бродский

Род. в 1946 году. Фотограф, писатель. Эксперт Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачёва, исследователь истории Соловков, чередующий с 1970 года жизнь на острове с пребыванием на материке. Автор публикаций в журналах России, Германии, Италии, Нидерландов, Финляндии, Польши, США, Японии. Вдохновитель и создатель изобразительного ряда первой в СССР «лагерной» экспозиции в Соловецком музее-заповеднике в 1989–2009 годах. Монографии Бродского «Соловки. Двадцать лет Особого Назначения» (1998) и «Соловки. Лабиринт преобразований» (2005) стали самым весомым вкладом в литературу о Соловках за всю их историю.

Ю.А. Бродский - научн. консультант десятков фильмов, в том числе выдающегося фильма «Власть Соловецкая» режиссера М. Голдовской («Мосфильм», 1988)